Ганс Христиан Андерсен

Кто же счастливейшая?

Какие чудные розы! — сказал солнечный луч. — И каждый бутон распустится и будет такой же чудной розой! Все они — мои детки! Мои поцелуи вызвали их к жизни!
— Нет, это мои детки! — сказала роса. — Я кропила их своими слезами!
— А мне так кажется, что они мои родные детки! — сказал розовый куст. — Вы же только крестные отец и мать, одарившие моих деточек кто чем мог.
— Мои прелестные детки! — сказали все трое в один голос и пожелали каждому цветку всякого счастья. Но только один из них мог оказаться самым счастливым из всех и один наименее счастливым.
Кто же именно?
— А вот я узнаю это! — сказал ветер. — Я летаю повсюду, проникаю в самые узкие щели, знаю, что делается и внутри и снаружи домов.
Каждая роза слышала, каждый бутон понял сказанное.
В сад пришла печальная мать в трауре и сорвала одну свежую, полураспустившуюся розу, которая показалась ей прекраснейшей из всех. Мать принесла цветок в тихую безмолвную комнату, в которой несколько дней тому назад резвилась ее веселая жизнерадостная дочка. Теперь же девочка покоилась, словно спящее мраморное изваяние, в черном гробу. Мать поцеловала умершую, поцеловала и полураспустившуюся розу и положила ее на грудь девочки, как бы надеясь, что свежий цветок, освященный поцелуем матери, заставит снова забиться ее сердечко.
И роза так и расцвела вся, пышно развернула свои лепестки, колебавшиеся от радостной мысли: «Какой любовью озарился путь моей жизни! Я как будто стала человеческим ребенком — мать поцеловала меня и благословила в путь — в неведомую страну! И я отправлюсь туда, покоясь на груди умершей! Конечно, я счастливейшая из всех моих сестер!»
Потом пришла в сад старая полольщица гряд; она тоже залюбовалась красотой куста и глаз не могла оторвать от самой большой, вполне распустившейся розы. Капля росы да один жаркий день еще, и — лепестки опадут! Вот как рассуждала женщина и нашла, что роза покрасовалась довольно — пора было извлечь из нее и пользу. И вот она сорвала цветок, завернула его в газетную бумагу и отнесла домой, чтобы набальзамировать солью вместе с другими розами и смешать с засушенными голубыми лавандами, — выйдет чудесная душистая смесь! Такой чести, как бальзамирование, удостаиваются только розы да короли!
— Мне выпал на долю высший почет! — сказала роза, которую сорвала полольщица. — Я — счастливейшая! Меня набальзамируют!
Затем явились двое молодых людей; один — художник, другой — поэт. Каждый сорвал себе по прекрасной розе.
Художник изобразил цветущую розу на холсте, так что она увидала себя как в зеркале.
— Таким образом, — сказал художник, — она будет жить многие годы, в продолжение которых успеют завять и умереть миллионы и миллионы роз.
— Мне посчастливилось больше всех! — сказала роза. — Я достигла высшего счастья!
Поэт полюбовался на свою розу и написал о ней стихи, целую поэму, в которой высказал все, что прочел на ее лепестках. Вышла бессмертная поэма — «Альбом любви».
— Он обессмертил меня! — сказала роза. — Я счастливейшая! Но среди этой массы прекрасных роз была одна, которая как-то
заслонялась другими; по воле случая — может быть, и счастливого — у нее был изъян: она криво сидела на стебельке, лепестки ее были расположены не совсем симметрично, и из середины чашечки выглядывал маленький свернутый зеленый листок. Случаются подобные изъяны и у роз.
— Бедное дитя! — говорил ветер и целовал ее в щечку, а роза думала, что он приветствует,

чествует ее. Она сама чувствовала, что сложена как-то иначе, нежели другие розы, что из чашечки ее выглядывает зеленый листок, но смотрела на это не как на изъян, а как на отличие. Вот на нее вспорхнул мотылек и поцеловал ее лепестки; это был жених, но она не стала удерживать его.
Потом явился огромнейший кузнечик; он уселся на другую розу и принялся влюбленно потирать ножки — это признак влюбленности у кузнечиков. Роза, на которой он сидел, не поняла этого; зато поняла роза с изъяном — свернутым зеленым листком; на нее-то как раз и уставился кузнечик, а глаза его так и говорили: «Съел бы я тебя от пущей любви!» А уж известно, дальше этого никакая любовь не может идти: один исчезает в другом! Но роза не имела ни малейшего желания исчезнуть в этом прыгуне.
Звездной ночью запел соловей.
— Это он для меня поет! — сказала роза с изъяном, или с отличием. — И за что это меня во всем постоянно отличают от других сестер! Почему именно мне выпало на долю это отличие, благодаря которому я стала счастливейшею?
Тут в сад зашли два господина; они курили сигары и вели разговор о розах и табаке: правда ли, что розы не переносят табачного дыма — зеленеют? Надо было произвести опыт. Но они пожалели красивейшие розы и взяли для опыта розу с изъяном.
— Вот новое отличие! — сказала она. — Я уж чересчур счастлива! Я счастливейшая из счастливейших!
И она вся позеленела от этого сознания и табачного дыма.
Одна из роз, едва начавшая распускаться и, может быть, самая прекрасная на всем кусте, заняла почетное место в искусно подобранном садовником букете. Букет отнесли важному молодому господину, владельцу дома и сада, и тот повез его с собою в карете. Роза сидела между другими цветами и зеленью, словно царица красоты. И вот она очутилась на блестящем празднике. Повсюду сидели разряженные мужчины и дамы, залитые светом тысяч ламп. Музыка гремела, театр утопал в море света. При восторженных криках зрителей на сцену выпорхнула юная танцовщица — любимица публики, и к ногам ее посыпался целый дождь цветов. Упал к ее ногам и букет с розой, сиявшей в его середине, как драгоценный камень. Роза чувствовала всю честь, все безмерное счастье, выпавшие ей на долю, но вот букет коснулся пола, стебелек ее переломился, она выскочила из букета и покатилась по полу. Не пришлось ей попасть в руки виновницы торжества — она откатилась за кулисы. Там увидел ее машинист и поднял. Она была так хороша, так чудно пахла, но стебелька у нее не было! Он взял и положил ее прямо в карман, а потом отнес домой.
Там роза очутилась в рюмке с водою и пролежала в ней всю ночь. Рано утром ее поставили на стол перед старой бабушкой, беспомощно сидевшей в кресле. Как она любовалась прекрасной розой без стебелька, как наслаждалась ее запахом!
— Да, ты не попала на роскошный стол важной барышни, попала к бедной старухе! Зато здесь ты заменяешь целый розовый куст! Как ты хороша!
И старушка с детской радостью смотрела на цветок, вероятно, вспоминая при этом свою давно минувшую юность.
— В оконном стекле была дырочка! — рассказывал ветер. — Я легко пробрался через нее и видел, каким юношеским блеском сияли глаза старушки, любовавшейся на розу без стебелька в рюмке с водой. Я знаю, которая из роз была счастливее всех! Я могу рассказать это!
У каждой розы была, таким образом, своя история, каждая верила, что она счастливейшая, а ведь блажен, кто верует!.. Но последняя из роз на кусте все-таки считала себя самой счастливейшей.
— Я пережила всех! Я последнее, единственное, любимейшее дитя у отца!
— И я — отец им всем! — сказал розовый куст.
— Нет, я! — возразил солнечный свет.

— Нет, я! — сказали в один голос ветер и погода.
— Каждый имеет на них свои права! — сказал ветер. — И каждый получит свою долю! — И он развеял лепестки, окропленные сиявшими в лучах солнца капельками росы. — И мне кое-что досталось! — прибавил он. — Я узнал историю каждой розы и разнесу их по всему свету!
Так вот, которая же из роз счастливейшая? Да, скажите-ка это мне вы, я уже сказал довольно!